

Е.С. Худякова (Пермь, Россия)

Конструирование идентичности в чешских публичных нарративах: групповое влияние

Аннотация: В статье рассматривается проблема влияния групповой принадлежности индивида на конструирование его идентичности в тексте. На основе анализа публичных нарративов чехов – представителей мира искусства и ученых-естественников – устанавливаются «типичные» образы «я», декларируемые в публичном (медийном) нарративе. Исследовались структурные компоненты нарративов, тип конфликта и на этой основе – декларируемая идентичность. Показано, что и типы конфликта, и социальная идентичность акторов двух исследуемых групп различны.

Ключевые слова: нарратив, идентичность, групповая принадлежность, конструирование образа «Я»

E.S. Khudyakova (Perm, Russia)

The Making of Identity in Czech Public Narratives: Group Influence

Abstract: The article discusses how the group affiliation of an individual impacts the making of his or her identity in the text. The analysis of public narratives of Czechs, men of art and science, establishes “typical” images of Self, declared in the public (media) narratives. The paper studies structural components of narratives, the type of conflict, and identity declared on this basis. It is shown that both types of conflict and social identity of the actors in the two studied groups are different.

Key words: narrative, identity, group affiliation, design of the image of “Self”

Изучение речевых практик определенного речевого сообщества входит в предмет интеракционной социолингвистики, который определяется Дж. Гамперцем как «демонстрация того, как индивиды, участвующие в речевых взаимодействиях, используют речь для достижения своих коммуникативных целей в реальной ситуации, обращая внимание на процессы смыслопорождения и принимая во внимание фоновые гипотезы, которые подчеркивают условия интерпретации» [Gumperz 2003: 218]. Социолингвистическое исследование «языкового сообщества», согласно Дж. Гамперцу, связано с установлением ролевого речевого поведения [Gumperz 2003: 219], а также ситуационного варьирования речи, поскольку

внутригрупповое общение включает набор типичных ситуаций. Поэтому в исследовании должны быть учтены групповые, статусно-ролевые и ситуационные факторы, влияющие на использование текстов.

Таким образом, предметом данного исследования является выяснение группового варьирования спонтанных нарративов и установление типичных образов «Я», конструируемых представителями двух социальных групп.

В американской социалингвистике активно изучается «дискурсивное сообщество», – по нашему мнению, этот термин достаточно близок отечественному термину «языковой коллектив».

Дж.М. Свейлз следующим образом описывает шесть признаков дискурсивного сообщества. Дискурсивное сообщество имеет общие публичные цели и обладает механизмами внутригруппового общения. Указанные механизмы используются для обмена информацией и для ее закрепления. Дискурсивное сообщество использует жанры, чтобы реализовывать свои цели, т. е. разделяет ожидания о теме, форме и функции текста. Оно также вырабатывает специфический лексикон (например, терминологию). Сообщество обладает пороговым уровнем, который удостоверяет достаточную степень дискурсивного опыта у члена группы [Swales 1991: 24–27]. Заметим, что существует разница между речевым сообществом и дискурсивным сообществом: речевое сообщество выделяется по принципу постоянных социальных и социобиологических признаков, и в речевом сообществе «нужно» родиться, тогда как в дискурсивное сообщество можно вступить (подробнее о терминах см. [Virtanen et al. 2005: 13]). В западной социалингвистике различие в терминах «речевое сообщество» и «дискурсивное сообщество» проводится так же, как в отечественной социалингвистике, – между речевым коллективом и языковым коллективом.

Профессиональную группу необходимо отнести к дискурсивным сообществам, при этом профессия настолько сильно влияет на идентичность человека, его поведение, в том числе речевое, что возможен переход в речевой коллектив.

Л.П. Крысин указывает, что символическую интегрирующую функцию в речи членов группы могут выполнять «отдельные языковые единицы, фрагменты высказываний и диалогов... своеобразные формы начал и концовок тех или иных речевых актов» [Крысин 2008: 85]. Думается, что использование определенных текстовых образцов также может быть отнесено к «групповым шаблонам речи».

Изучение коммуникативного репертуара определенных дискурсивных сообществ позволяет судить и о сообществе, и о социальной системе, которая образует сообщество [Heller 2003: 259]. Нарратив, по-видимому, относится к этому коммуникативному репертуару.

В исследованиях М. Томаселло нарратив рассматривается как форма взаимодействия индивида и группы. Этот процесс можно назвать социальной идентификацией, которая предполагает слияние индивида с группой, социумом через передачу какой-либо личной информации в виде нарратива. Таким образом возникает некий накопленный запас опыта (общий «фонд знаний»), которым может воспользоваться каждый представитель социума [Tomasello 1995: 110].

Современные исследования социальных психологов указывают на роль языка в становлении «Я»: Робин Фивуш на материале дискурсов детей-дошкольников и больных с нарушениями автобиографической памяти (запоминания событий из собственной жизни) показала, что формирование «Я» есть усвоение социально приемлемых и предоставляемых языком способов структурирования опыта. От-

существование дискурсивных моделей приводит к разрушению целостности личности [Fivush, Haden 2003].

Энтони Гидденс считает идентичность «фундаментальной производной нарратива, рефлексивным проектом “себя”» [Giddens 1991: 55].

Принадлежность к социальной группе культурно поддерживается и на уровне индивидуального сознания выражается в социальной идентичности: по мнению Криса Видона, «институты производят дискурсы, в которых гендерная или этническая идентичность конструируются». В дискурсах предлагаются рационализированные категории, в которые индивид может (и должен) вписать себя, а любое социальное действие уже есть выражение идентичности [Weedon 2004: 13].

Нарративная концепция идентичности предполагает два понимания нарратива: широкое – как текста любой знаковой системы, организующего значения в нарративные линии («жизненный нарратив», приписывание значения внешнему и внутреннему миру в терминах языка или языков – танца, моды, ритуалов), и узкое – как текстовой линейной структуры. Первое, глобальное понимание нарратива как способа конструирования реальности в нарративных нормах и дискурсивных формациях, культурно задаваемых и используемых индивидами в конкретных социальных условиях [Brockmeier, Carbaugh 2003: 10], закономерно приводит к вопросу о существовании опыта или «самого по себе», или его изначального облечения в нарративные формы. Йенс Брокмейер и Донэл Карбо прямо заявляют, что нарратив есть «форма структурирования неструктурируемого, придания атомарному хаосу событий, действий и фактов формы и значения» [Brockmeier, Carbaugh 2003: 14].

Широкое понимание нарратива выводит его из «рассказывания историй» в область конструирования реальности с помощью языка, соответственно, методы исследования нарратива (который есть базовый когнитивный процесс с точки зрения нарративистов) могут быть весьма различными.

Основным методом исследования нарратива выступает так называемый нарративный анализ. Базовой его чертой является интерпретативность. Предмет исследования в нарративном анализе – рассказанная история, или повествование, с точки зрения способов упорядочивания опыта в последовательную цепь событий: нарративный анализ изучает не просто содержание жизненного опыта, а формы рассуждения о нем – лингвистические и культурные ресурсы построения истории и убеждения слушателя в ее подлинности.

Под структурой нарратива могут пониматься акторы (люди) и их «интенциональные состояния» – чувства и убеждения, которые приводят к тем или иным социальным действиям, организованным во временной последовательности (минимальная структура будет выглядеть как «А сделал Б, потому что С», эта минимальная единица структуры называется «поворотной точкой», так как нарратив содержит событие, которое выделяет его из ряда подобных) [Bruner 2003: 29–30]. По мнению Джерома Брунера, нарратив совмещает две стратегии – линейную (последовательность событий) и нелинейную (осмысление событий в терминах «интенциональных состояний», иными словами, оценок) [Bruner 2003]. Эта модель является идеализированной, так как, по результатам нашей работы с автобиографическими нарративами, в зависимости от целого ряда социальных факторов избирается или та, или другая стратегия нарративизации, причем оценка подчас может быть оторвана от события и приписана нелинейным объектам (буквально – вещам, пище и т. п.).

Каждый индивид самоозначивает себя с помощью целого набора идентичностей, и роль каждой из них не одинакова в структуре личности. «Базовая структура личности может быть представлена как совокупность идентичностей, идентифицированных (приобретенных) в различных ситуациях или этапах жизни под давлением тех или иных потребностей человека и предписаний среды» [Губогло 2003: 48], при этом «понятие ценности и понятие частной идентичности, для которой названная ценность выступает “ядром” или является базовой, близки друг другу» [Губогло 2003: 51]. М.Н. Губогло выделяет в своей работе гендерную, семейную, этническую, религиозную, профессионально-трудовую, региональную и гражданскую идентичности и отмечает, что список предложенных им идентичностей остается открытым.

Очевидно, профессиональная идентичность является одной из важнейших в структуре личности. Она предполагает понимание своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо выполнять свои профессиональные функции [Шнейдер 2001: 156], при этом важными составляющими идентичности являются общение, опыт и речь: «Общение и опыт порождают идентичность, в речи она выражается» [Шнейдер 2001: 19].

Соответствующая профессия влияет на характер и способ речи индивида, к ней должно приспособиться и его мышление [Šmejrková (1) 2011: 82].

Таким образом, целью исследования стало выяснение содержательных характеристик конструируемых в публичном нарративе идентичностей представителей двух социальных групп: представителей мира искусства, художников, и ученых-естественников.

В данной работе материалом послужили аудиозаписи публичных интервью из радиопередачи «Tandem» на чешском радио за 2013–2017 гг. (регион Средняя Чехия). В качестве исследуемых групп взяты представители мира искусства (5 человек, среди которых два художника, архитектор, фотограф, художественный руководитель театра), время звучания каждой записи – 56 минут, и 5 ученых-естественников с ученой степенью (онколог, астрофизик, климатолог, биохимик, ветеринар). Все информанты – мужчины старше 50 лет, этнические чехи, все с высшим образованием. Выборка организована указанным образом, чтобы исключить влияние факторов пола, возраста, этнической принадлежности, уровня образования, и продемонстрировать «работу» одного фактора – профессиональной принадлежности.

Изучение иерархии идентичностей современных чехов методами социологии проводится в [Коровицына 2011; Vlachová, Řeháková 2004; Mlčoch, Machonin, Sojka 2000].

На материале автобиографических нарративов в Чехии сейчас издается достаточно много работ, посвященных этнической идентичности чешских немцев [Šmejrková (3) 2011; Kreisslová 2013; Nekvapil 2001].

Светла Чмейркова так же, как и мы, исследует медийные интервью, однако описывает идентичность участников в терминах сохранения лица или дискредитации (т. е. не содержательно) [Šmejrková (2) 2011].

В качестве метода сбора материала использовались направленная выборка (по социальным параметрам, а в отобранных записях – по типу текста: односложные реплики и реплики-рассуждения не отбирались), слуховой анализ для получения транскриптов, элементы системно-структурного анализа для выделения композиционных единиц в текстах информантов.

В результате получено 9 собственно нарративов от представителей сферы искусства и 8 – от ученых (некоторые информанты в интервью порождали несколько нарративов).

В качестве методики анализа структуры нарратива мы воспользовались уже классической методикой У. Лабова и Дж. Валетски, в соответствии с которой нарратив – это техника конструирования нарративных блоков, составляющих временную последовательность опыта. Две базовые функции нарратива – референциальная и ценностная. Нарратив для индивида выполняет дополнительную социальную функцию, определяемую стимулом в социальном коллективе [Labov, Waletzky 1967: 13]. В качестве признаков нарратива У. Лабов выделяет: 1) наличие придаточных предложений, соответствующей временной организации событий; 2) отнесенность повествования к прошедшему времени; 3) наличие определенных структурных компонентов [Labov, Waletzky 1967: 57]. Согласно У. Лабову, структура нарратива варьирует у разных рассказчиков, ведь социальный опыт индивида оказывает на нее влияние [Labov 1987: 220].

На основе семантических и грамматических (прежде всего синтаксических) особенностей фрагментов текста исследователи рассматривают 5 базовых структурных компонентов: ориентацию (orientation) – «группу свободных высказываний, в которой дается характеристика лица, места, времени и поведенческой ситуации» [Labov, Waletzky 1967: 32–33]; усложнение (complication) – группу нарративных высказываний о сериях событий; развитие (кульминацию; evaluation) – точку максимального напряжения; разрешение (resolution) – где происходит завершение ситуации; коду (coda) – «функциональное приспособление для перевода вербальной перспективы в настоящее время» [Labov, Waletzky 1967: 39].

Существует деление на сложные и простые нарративы. Простые нарративы можно легко увидеть по указанным выше началу и концу (так называемым лексическим оборотам начала и завершения фразы) [Currie 2014: 1165]. Сложные нарративы обладают не столь элементарной структурой, могут инкорпорировать иные нарративы и тексты других типов.

Кроме указанных композиционных блоков и простоты / сложности нарративов, нами устанавливался тип конфликта (напомним, нарратив фиксирует некоторое экстраординарное событие). На основе качественного анализа выявлялся тип идентичности автора, конструируемой с помощью нарратива.

Таблица 1. Структурные компоненты нарративов художников и ученых

Тип параметра	Параметр	Художники, %	Ученые, %
Усложнение структуры	Несколько компонентов (количество и тип)	33	37
Композиция	Ориентация	100	100
	Усложнение	77	87
	Развитие	44	50
	Завершение	100	75
	Кода	44	62

Тип конфликта	Влияние обстоятельств (внезапно все изменилось)	22	38
	Ожидания и реальность	44	50
	Ожидания воспринимающего сознания и реальность	22	0
	Комедия характеров	12	0
	Эмоциональный пик	0	12
Идентичность	Профессиональное становление, выбор пути	22	50
	Бунтарь	33	0
	Свой парень	12	0
	Комическое в профессии	33	12
	Профессионал	0	25
	Любитель искусства	0	13

Для оценки степени согласованности параметров в текстах двух групп проведен статистический анализ – установлен коэффициент корреляции двух независимых выборок.

Двусторонняя корреляция Пирсона при сравнении наполнения композиционных блоков равна 0,877 (значима при 0,05 уровне значимости). То есть оценка самого наличия композиционных блоков говорит о том, что тексты группы художников и ученых похожи, это нарративы. Качественные различия будут рассмотрены далее.

Двусторонняя корреляция Пирсона по типу конфликта составила 0,7. Корреляция средняя, но положительная, поэтому можно сделать вывод о том, что сам набор типов конфликта в нарративах достаточно единообразен.

Двусторонняя корреляция Пирсона по типу идентичности – -0,12, слабая, но отрицательная, что говорит о том, что конструируемые идентичности информантов двух групп различны.

Далее рассмотрим качественное заполнение блоков нарратива.

Ориентация представлена во всех текстах, иногда – весьма объемно, причем наблюдается следующая тенденция: у художников, если важнейший элемент – развитие (кульминация) – эксплицитно не выражен, то блок ориентации крайне большой, именно там вносятся элементы, создающие внутренний конфликт «человек и история»:

No, bylo to tak, že jsem po maturitě teda šel na ten Matfyz a když jsem byl ve druhém ročníku, tak dílem jsem cítil, že mi něco jako chybí, že mě ta fyzika jako úplně nenaplňuje, že ještě tak jako, nějak mně to divadlo furt přitahovalo, a Tomáš Pavelka, ten už v té době byl na DAMU, nebo se přihlásil, tak od něj jsem měl informace, že to jako vlastně jde. On taky není z herecký rodiny, takže to jde se tam dostat, i když to nemusí být o protekci. Do toho přišla revoluce vlastně, to bylo v ten samej rok, takže 30. listopadu poslední den, kdy se musí odnést přihláška na DAMU, jsem nesl přihlášku. Tam byla ta stráž a říkali nesete letáky? A já říkám no tentokrát ne, nesu přihlášku, takže i díky tomu jsem tam vlastně načichl tu revoluci, protože jsem se tak jako mezi těmi studenty začal pohybovat, no, a přihlásil jsem se tedy na DAMU, a to proběhlo potom leden, únor, březen. Díky revoluci se vyměnilo vlastně kompletně to pedagogické vedení, takže tam přišel pan Pistorius, pan Preiss, Boris Rösner a ty tam byli v

komisi, a oni mě kupodivu vzali, no. (Ну, это было так, что я после школы пошел на Физмат, и на втором курсе я отчасти чувствовал, что мне как будто чего-то не хватает, что эта физика меня как бы целиком не наполняет, и еще как-то театр меня все время притягивал, а Томаш Павелка, который к тому времени уже был на ТАМИ (Театральный факультет Академии музыкальных искусств. – Е.Х.), или только подал документы, так от него я узнал, как это собственно происходит. Он тоже не из актерской семьи, так что можно туда попасть и без протекции. А, собственно, до того произошла революция, это было в тот самый год, так что 30 ноября – в последний день, когда нужно отнести заявление о приеме на ТАМИ, – я нес заявление. Там была охрана, они говорят: несете листовки? А я отвечаю – в этот раз нет, несу заявление. Так что и благодаря всему этому я там почувствовал революцию, потому что я между теми студентами начал двигаться, ну и записался таким образом на ТАМИ, это продолжалось потом январь, февраль, март. Благодаря революции полностью поменялось педагогическое руководство, так что туда пришел господин Писториус, господин Прейсс, Борис Реснер, и они были там в комиссии, и они меня, на удивление, взяли) (художественный руководитель театра).

У ученых блок развития отсутствует, если главный герой нарратива – не рассказчик. В целом, как видим из таблицы, такой важнейший компонент нарратива, как кульминация, не слишком часто эксплицирован (44 и 50% текстов). Во всех нарративах художников присутствует компонент завершения (и в 75% случаев – у ученых), при этом, наоборот, кода, связывающая нарративную ситуацию (прошлое) с настоящим, реализована в 62% текстов ученых и всего в 44% – у художников. По моему мнению, это связано с типом конфликта и формируемой идентичностью авторов.

Тип конфликта напрямую связан с речевым конструированием реальности в нарративе: какие компоненты «противоборствуют», что создает точку напряжения. Заметим, ни в одном тексте не представлен грубый конфликт комедии положений («поскользнулся и упал»), даже если нарратив комический. Как видно из таблицы, у ученых наблюдается только 3 типа конфликтов. Самый частотный – влияние внешних обстоятельств (как внешняя среда внезапно меняет ход жизни) (38%). Все авторы нарративов застали социалистическую Чехословакию, так что в 2 текстах влияние обстоятельств связано с историческими условиями – жизнь изменилась из-за «коммунистов»:

No a začal jsem se na to velmi intenzivně, jak odborně, tak fyzicky a podobně připravovat, tenkrát se jednalo o Arktidu, no ale bylo mi to zaraženo tady toto nakonec zvenčí teda... ono to souviselo s prodloužením stipendia, nebo ne s prodloužením stipendia, s prodloužením stáže, a to se ukázalo být naprosto nemožným. (И я начал очень интенсивно к этому готовиться (к стажировке со швейцарскими коллегами. – Е.Х.), физически и подобным образом готовиться, в тот раз речь шла об Антарктиде, а мне это было организовано в конце концов с той стороны (извне, капиталистическими коллегами. – Е.Х.), это было связано с продлением стипендии или не с продлением стипендии, а с продолжением стажировки, и это оказалось просто невозможным);

To bylo někdy asi rok nebo dva poté, co jsem se vrátil ze stáže ve Švýcarsku a pravděpodobně se konstatovalo, že jsem tam mohl načichnout a negativně ovlivňovat svoji získanou ideologii studenty, takže prostě už mně bylo přímo řečeno, a ty půjdeš taky. (Это было где-то примерно год или два после возвращения из той стажировки в Швейцарии, и, скорее всего, утверждали, что я там мог «нахвататься» и негативно влиять своей полученной идеологией на студентов, так что мне просто прямо было сказано: и ты тоже пойдешь отсюда) (астрофизик). И один случай – это влияние трагической случайности на жизнь человека (падение с высоты).

Половина текстов ученых демонстрирует конфликт ожиданий и реальности. В первом случае – это социальные ожидания неопытности от молодого ассистента в вузе и его действительно качественная работа со студентами, второй пример – ожидание от новостей, транслируемых за границу, весомости, важности, серьезности:

Zase přes rádio můžeme posílat, poslouchat třeba krátké vlny Českého rozhlasu, což se stalo za mě jednou jedinkrát, a to jsme chytli nějaké vysílání v češtině na krátkých vlnách pro zahraničí a byly to rovnou zprávy, bylo to v 10 hodin večer našeho času, teda času antarktického, i když ten časový rozdíl mezi stanicí a Českou republikou je jenom 4 hodiny, to zas není tolik, ono je to severojižně jako... no a chytli jsme zprávy a tam jsme se dozvěděli první informaci něco o Paroubkovi, druhou informaci o tom, že se pokazilo poslední tedy třetí Pendolino a čtvrtá informace byla z podobného pytle a tak jsme si řekl: Ježišmarja Josef, toto Český rozhlas vysílá ve zpravodajství do Austrálie? Ty Čechoaustralani z toho musí být úplně na větvi z těchto informací. (Снова по радио можем посылать и слушать, например, короткие волны Чешского радио, что однажды со мной приключилось. То есть мы поймали какое-то вещание на коротких волнах на чешском языке для зарубежья, и это были известия, было это в 10 вечера по нашему времени, то есть по антарктическому, хоть разница во времени между станцией и Чешской Республикой всего лишь 4 часа, ну не так уж, только на север-юг (направление. – Е.Х.) как... Ну и поймали мы известия, а там мы получили первую новость, что-то о Парубке, вторую новость о том, что что-то повреждено, последнюю, то есть третью, о Пендолино (поезд. – Е.Х.), и четвертая новость была того же порядка. И я себе сказал: Боже мой, и это Чешское радио вещает в новостях на Австралию? Эти чехоавстралийцы должны быть совершенно в восторге от этих новостей) (климатолог).

И еще в двух текстах нарушаются не социальные, а научные прогнозы: Штефаник не смог во Французской Полинезии наблюдать комету из-за ее малых размеров (в нарративе астрофизика), и больная раком женщина выжила и даже посетила выпускной своей дочери (у онколога).

В одном тексте (заметим, нарративе с неполным набором композиционных блоков) конфликт связан с переживанием сильнейших эмоций от участия в концерте.

У представителей мира искусства типы конфликтов более разнообразны.

Самый частотный тип – конфликт ожиданий и реальности, причем во всех случаях это срыв социальных ожиданий. В двух случаях это нарушение героями социалистических законов, участие в антикоммунистической деятельности:

To vzniklo tak, že já jsem v té době, právě, když jsem zmizel z toho stavebnictví, tak abych měl určitou jistotu, tak jsem dělal ve výtvarný redakci Albatrosu, teda asi tři roky, ale to bylo takový velmi hezký období a tam chodili různý lidi a navíc Albatros nebyl příliš komunistická organizace, tam se vydávaly dětský knížky a bylo to takový jako trošku underground a tam chodil sociolog pan Blažek a on za mnou přišel a řekl, jestli bych mohl udělat pro Občanský fórum nějaký plakáty a v podstatě mi dal hesla, který on napsal. A já jsem na to udělal, to byly dva plakáty, ale byla to taková doba, že dneska, když to vidím, tak se trochu směju, protože tenkrát jsme to považovali, že se odvažujem něčeho nezákonného, vono to v podstatě bylo třeba: Paní učitelko, už nám nemusíte lhát. Že jo, což je dneska tak jako je... (Ну, это возникло так, что прямо в то время, когда я сбежал из строительства, чтобы убедиться в своей правоте, я работал в художественной редакции «Альбатроса», примерно 3 года, но это была такая прекрасная пора, туда приходили разные люди, более того, «Альбатрос» не был слишком коммунистической организацией, там издавались детские книжки, и это был немножко андеграунд, и туда приходил социолог пан Блажек, он ко мне пришел и спросил, не мог бы я сделать для Гражданского форума какие-ни-

будь плакаты, но это было такое время, что теперь, когда это вспоминаю, так немного смеюсь, потому что тогда мы считали, что отваживаемся на что-то незаконное, чем на самом деле это и было: госпожа учительница, вы уже не должны нам лгать. Ну сегодня это как-то...) (художник 1).

Еще в двух текстах представлено нарушение героями-«Я» социальных норм:

No, to je strašně kuriózní. Já vám prozradím teda anekdotu soukromou, že mně se totiž tak líbilo v tý Lublani a tak krásná byla ta výstava, že tam velvyslankyně a řeč, že jo prostě a, a ty místní jako lidi, že jo, takový ty, to oficiální úvod a teď tam byla hromada lidí a potom se po schodišti mělo přejít k banketu. A já ani nevím jak, já jsem najednou vypadl a seděl jsem sám v kavárně u kafe, úplně jsem se vyhnul těm lidem, potom jsem asi 3 dny chodil na / nesrozumitelné / horu, kde jsem prostě chodil běhat a sportovat a vlastně já jsem úplně jako obešel ten společenskej život, já vůbec nevím. (Ну это ужасно смешно. Я вам расскажу тогда личный анекдот, поскольку мне так понравилось в Любляне, так прекрасна была выставка, что там был посол и речь, что просто... и местные, и это официальное открытие, и теперь там была куча людей, и потом по лестнице нужно было перейти к банкету. А я не знаю, как внезапно выскользнул, сидел один в кофейне с кофе, я совершенно уклонился от тех людей. Потом я где-то 3 дня ходил на гору, куда просто ходил бегать и заниматься спортом, и, собственно, я совершенно избежал всей этой общественной жизни, вообще не знаю как) (художник 2).

Близок этому конфликту (тоже нарушение ожиданий) нарратив без явной кульминационной точки, в котором конфликт находится не «внутри» референциальной ситуации, а между стереотипными представлениями о типичной ситуации и неприукрашенной реальностью, в таких текстах предполагается моделирование ожиданий публики. В тексте фотографа – это конфликт между ожиданиями зрителей получить реальный живой снимок победы спортсменов и постановочностью фото, а у худрука – между идеальностью сцены с животным-актером в кино и комизмом реальной работы с попугаем.

Влияние внешних обстоятельств обнаружено всего в 2 текстах художников, в обоих случаях это влияние другого человека, его мнения на выбор профессионального пути:

a zároveň jsem maloval se svým kamarádem, z kterýho (kerýho) se stal světovej malíř žijící v Itálii, a on tak za mnou přišel, to bylo už v době, kdy jsme se dost rozhádali, ale zaplat'pánbůh tohle jsem vzal vážně a říkal, hele, koukej, dej se na architekturu. To je kombinace mezi matematikou a malováním. Ani jedno není pravda, ale, ale podařilo mně skvěle. (а также я рисовал со своим другом, который стал художником с мировым именем, живущим в Италии, и он этак ко мне пришел, а это было уже в то время, когда мы сильно поссорились, но, слава богу, я это воспринял серьезно, и он говорил: «Эй, смотри, подайся на архитектуру. Это комбинация математики и рисования». Ну, это не правда, но... но вышло прекрасно) (архитектор).

Еще в одном нарративе комический эффект создается за счет точной передачи яркой речи героя:

No, to bylo tak zase, že jsem si na konci první třídy zlomil ruku a pak hnedka následně, takže jsem měl takovej trošku ustrašeněj něco dělat a babička mě takzvaně vykrmila, jo, říkala Martínku, papej, protože kdyby byla válka, kdo bude tlustej bude hubenej, kdo byl hubenej bude studenej, jo, takže jsem papal a přijel jsem po prázdninách obtloustlej, takže jsem hrál Pašíka. (Ну, снова было так, что в конце первого класса я сломал руку, и потом почти сразу снова, так что я немножко боялся что-нибудь делать. И бабушка меня, как гово-

рится, откормила, ну, говорила: «Мартинек, кушай, потому что, если будет война, кто будет толстый, станет худым, кто был худой, станет ледяным». Ну, поэтому я кушал и приехал после каникул растолстевшим, так что я играл Пашика (поросенка. – Е.Х.) (художественный руководитель театра).

Наконец, на основе анализа референтной ситуации и типа конфликта можно обрисовать тип идентичности, конструируемый в нарративах. У представителей искусства самый частотный образ «Я» – это бунтарь, нарушающий социальные нормы или борющийся с режимом, у ученых данного образа вообще нет. Близок образу бунтаря образ «Своего парня», которого уважают в школе, это типичная гендерно маркированная идентичность мужчины:

Pro mě bylo zadostiučinění, když asi po půl roce ke mně přišel Jirka, spolužák, takovej sígr třídy jako, ale vlastně fajn kluk a povídal no tak to, že jseš ten primus, to jsem věděl, ale že jseš jako dobrej kámoš, tak to vím taky (Для меня было удовлетворением, когда через полгода ко мне пришел Йирка, одноклассник, этакий хулиган / озорник класса, но на самом деле классный парень, и сказал: «Ну да, то, что ты отличник, я знал, а что ты и хороший товарищ, это теперь тоже знаю») (художественный руководитель театра).

В двух текстах художников реализуется ситуация выбора профессионального пути, в трех создается образ профессионала, который снижает «пафос» своей работы, вводит элемент комизма, нелепости (заметим, что только 1 ученый избрал эту идентичность «обычного» человека, в работе которого присутствует элемент комизма).

У ученых образ ищущего профессиональный путь – самый частотный, заметим, что у представителей медицины этот сюжет преодолевает профессиональную сферу и служит для переосмысления жизни в целом.

О себе как профессионалах (без сниженной оценочности) говорят 2 ученых, эти оценочные компоненты находятся в коде и создают риторически высокий образ науки и ученого:

My jsme se dozvídali věci v takovém smyslu, že jsme pochopili, v čem spočívá podstata vědeckého výzkumu, že to není jenom nabířlovat se nějaké vzorečky nebo nabířlovat se nějaké skutečnosti z historie té fyziky, toho oboru, ale že musíte hodně přemýšlet. A že si musíte klást otázky a že na ty otázky většinou nikdo nezná odpověď. Takže prostě je to všechno velice takové chatrné, bych řekl, ale to je právě to kouzlo té fyziky. (Мы узнавали вещи в таком смысле, что поняли, в чем заключается основа научного исследования, что это не только зубрежка каких-то образцов, зубрежка каких-то обстоятельств из истории физики, этого направления, но что вы должны много размышлять. И что вы должны задавать вопросы, и чаще всего на эти вопросы никто не знает ответа. Так что просто это все очень зыбко, я бы сказал, но именно это и есть волшебство физики) (астрофизик);

Ale prostě za tuto cenu jsem na tý fakultě zůstal a mohl jsem se potom jaksi vzdělávat a mohl jsem prostě růst a kout pikle, myslím vědecké pikle dál. (Но именно ценой этого я на факультете остался, смог потом каким-то образом развиваться, мог просто расти и плести сети, я имею в виду научные сети (игра слов: «ковать пики» и фразеологизм «строить козни». – Е.Х.), дальше) (климатолог).

Только один ученый реализовал иную, не профессиональную идентичность – любителя искусства:

Tak pro mě takovej hezkej zážitek byl Izrael s filharmonickým sborem, Pražským filharmonickým sborem. (Для меня был такой прекрасный опыт – Израиль с филармоническим хором, Пражским филармоническим хором) (биохимик).

Таким образом, у художников в половине случаев идентичность не связана с профессиональной деятельностью, это идентичность социальная и гендерная – они выбирают образ бунтаря и «своего парня». У 7 из 8 ученых реализована именно профессиональная идентичность, дополненная высокой патетикой.

Усложнение структуры, как видим из таблицы, в количественном отношении примерно одинаково у обеих групп информантов – 33 и 37%, при этом тип усложнения качественно различается. У художников в 2 случаях наблюдается ассоциативный свернутый нарратив, когда перечисляется цепь разновременных событий, связанных одной темой:

Bud' mě chytili, jak jedu na nákladním vlaku a někde mě dopadli na nádraží, nebo jsem na vojně dal jednomu oficirovi facku za jeho blbý kecý, který (kerý) na mě měl, nebo jsem se snažil zase na vojně bejt 50% času na útěku a někdy to selže a oni vás drapnou a šup do kriminálu. Takže když už jsem byl třeba na vojně potřetí na 3 tejdny v kriminálu, tak mně potom dávali vodit ty chudáky, co šli k soudu, mně dávali jako eskortu, abych viděl, jak to hnusně se mnou může, může dopadnout. Chytili nás Francouzi ještě s jedním panem profesorem, ale to jsme byli mladý kluci, s Emilem Přikrylem, a co, tak jsme tábořili v lese, měli jsme strašně umouněný starý auto, byli jsme lehce odrbaný (vodrbaný) a v takový velký plechovce od okurek (vod vokurek) jsme si vařili polívku, což na francouzský policajty zjevně má velmi špatnej vliv. Anebo jsem doběhl ruský velvyslanectví v 68. v Holandsku v Rotterdamu, respektive v Haagu, kde bylo tohle, už jsme zdolali spolu s ultralevičákama, který (kerý) mě z duše štváli, ale byly s nima ty nejkrásnější holky z Holandska, a už jsme zdolali třetí barikádu policejní, kde jsme jako zbraň používali takový dlouhý tyče a na konci byl taková okovaná cedulka. A když jste toho koně šlehnul po koulích tímhle tím, tak ten i s tím policajtem vystřelil jak raketa. No jo, ale to bylo kvalifikovaný jako, jako nedovolený chování. Nejrůznější věci, většinou jsem řek něco blbýho těm policajtům (Или меня схватили, когда я ехал на грузовом поезде, и где-то на вокзале меня задержали, или в армии я дал пощечину одному офицеру за его тупые высказывания, а он на меня зуб имел, или снова в армии я пытался 50% времени быть в самоволке, и иногда это срывалось / не получалось, и они вас цап и быстро в кутузку. Так что когда в армии я уже в третий раз на три недели оказался в кутузке, так мне потом поручали водить этих бедняг на суд, меня ставили эскортом, чтобы я видел, как ужасно все может закончиться и для меня. Схватили нас французы еще с одним господином профессором, но тогда мы были молодые парни, с Эмилем Пшикрылом. Мы разбили стоянку в лесу, у нас была ужасно заляпанная старая машина, мы были слегка поддатые и в такой большой банке от огурцов варили суп, что на французских полицейских явно произвело плохое впечатление. Или я одурачил русское посольство в 68-м в Голландии, в Роттердаме, точнее в Гааге, где мы уже действовали с ультралевыми, от которых меня с души воротило, но с ними были самые красивые девушки Голландии. И мы преодолели уже третью полицейскую баррикаду, где как оружие мы использовали такие длинные палки, а на конце была как бы окованная карточка. И когда вы этого коня хлестнули по я...цам этой палкой, он вместе с полицейским понесся как ракета. Ну да, и это было квалифицировано как противоправное поведение. Самые разные вещи. Чаще всего я говорил что-то тупое этим полицейским) (архитектор).

У фотографа 2 ассоциативных нарратива связаны темой постановочных фотографий спортсменов.

У ученых наблюдается другой тип усложнения: это вставной несвернутый нарратив, когда в текст с героем-«Я» внедряется нарратив с полной структурой с иными героями, так, ветеринар, начиная рассказывать о создании своей книги, вставляет нарратив о ситуации, которая его вдохновила:

No ono to vzniklo všechno tak, že před pár lety ke mně přišel mládenec, kterej dělal přírodovědu tady na, v Praze a chtěl dělat brigádu. A my jsme si ještě dělali srandu, že by moh bejt tak akorát sestřák. A on říkal, jo, to že bere a že... Když by to, takže by tu brigádu měl hrozně rád. No a ta práce se mu tak zalíbila, tomu mládenci, že von přerušil tu přírodovědu, udělal přijímačky na veterinu v Brně, úspěšně je absolvoval a protože to byl sportovec a vopravdu takovej kluk se zanícením do všeho, tak před poslední státnicí si šel zalézt na skály, což byla jeho vášeň a uklouzlo mu to a on spadnul asi 22 metrů a zlomil si druhé krční obratel, takže úplně ochrnul a vlastně mu funguje hlava od ramene nahoru a musí se s ním i dýchat, jo, a ten stav už trvá rok a půl. A když si člověk uvědomí, jak rychle, jak během jedny vteřiny může dojít úplně ke změně všech hodnot a všeho, co člověk má a co je kolem něho a na co se těší a jak se to všechno změní, tak jsem si uvědomil, jak vlastně tenhle příběh mě zasáh tím, že začnete úplně jinak vnímat třeba i ty zvířata, který nějak pomáhají těmto lidem. A to jsou ty asistenční psi a najednou jsem zjistil, že kromě psů existuje, kromě té canisterapie i felinoterapie, že i pomocí koček se léčí. A najednou jsme začali dávat tyhle příběhy dohromady a vlastně celá ta knížka je o tom, která a konkrétní zvířata komu pomohla a jsou tam samozřejmě příběhy, které se snažíme, aby to mělo nějaké optimistickej konec, ale jak mi říkají i lidi, kteří už si tu knížku přečetli, že si občas i zapláčou. Takže takhle vznikla ta poslední pátá knížka (Ну, все это возникло так, что пару лет назад ко мне пришел молодой человек, который изучал природоведение здесь, в Праге, и хотел подработать. И мы еще шутили, что он мог быть прямо медбратом. А он говорил да, что понимает и если бы так было, и что эту подработку ужасно любит. И эта работа ему так понравилась, этому молодому человеку, что он бросил это природоведение, сдал экзамены на ветеринарный в Брно, успешно его закончил, а поскольку был спортсменом и парнем с энтузиазмом ко всему, так перед последним госэкзаменом пошел забраться на скалы, это было его страстью, поскользнулся и упал с высоты 22 метров, сломал второй шейный позвонок, так что его полностью парализовало, функционирует у него только голова выше плеч, ему нужно помогать дышать, и его состояние длится уже полтора года. И когда человек понимает, как за мгновение могут измениться все ценности, все, что человек имеет и что вокруг него, на что он надеется и как это все меняется. И я понял, как этот случай меня затронул тем, что начинаешь совершенно по-другому воспринимать и животных, которые помогают таким людям, например, это псы-поводыри, и внезапно я выяснил, что кроме собак, канистерапии, существует фелинотерапия, что и с помощью кошек лечат. И мы сразу начали собирать эти истории, собственно, вся эта книжка о том, как и кому конкретно животные помогли. И во всех этих историях мы стараемся, чтобы был оптимистичный конец, но, как мне говорят люди, которые уже эту книжку прочитали, что они иногда и плакали. Так что именно так возникла эта последняя, пятая книжка) (ветеринар).

Астрофизик вставляет в свой текст объемный рассказ о чехословацком ученом и политике Милане Ростиславе Штефане, а онколог – о чуде выздоровевшей пациентке. Объединяет все эти усложненные нарративы ученых, во-первых, внимание к другому человеку (заметим, у художников нет ни одного нарратива с героем-не «Я»), а во-вторых, мотив вдохновения, влияния других на становление личности.

Таким образом, сам набор композиционных блоков в текстах информантов двух профессиональных групп не является значимым. Существеннее оказываются качественные характеристики нарративов.

Объединяет обе эти группы информантов включение исторического контекста – коммунизма в Чехословакии – в структуру нарратива, однако если для художников режим служит компонентом конфликта «я и история», поддерживает идентичность борца с коммунизмом, то у ученых это непреодолимые обстоятельства, вмешивающиеся в их жизнь; идентичность борца не реализовал ни один из

ученых. Таким образом, исторический факт является конструктором и по-разному встраивается в структуру нарратива представителей разных социальных групп.

Представители науки продемонстрировали важность профессиональной идентичности, ставшей определяющим компонентом самоосмысления. При этом художники в половине случаев реализовали социальную, но не профессиональную идентичность бунтаря, борца.

Типы усложнения структуры нарратива также являются значимыми для оценки конструирования идентичности: ни в одном случае художники не делали героем своего нарратива Другого, их тексты эгоцентричны. Ученые же наоборот, склонны прерывать Я-нарратив полноценным повествованием о Другом, а полнота нарративов о людях (наличие в том числе блока оценки, коды) создает эффект эмпатии.

Как видим, представители двух «противоположных» профессиональных групп – «поэты» и «естественники» – в ситуации публичного порождения текста конструируют образ «Я» по-разному, при этом обнаруживаются групповые сходства этих идентичностей. Представление индивида о себе во многом является производным от опыта социальной группы, к которой он принадлежит.

ЛИТЕРАТУРА

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 763 с.

Коровицына Н.В. Чешский человек в первом десятилетии 2000-х годов (анализ материалов ЦИОМ ИС АН ЧР). М., 2011. 200 с.

Крысин Л.П. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Н. Трошина; РАН; ИНИОН; Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания. М., 2008. С. 72–89.

Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность / Москов. открытый социальный ун-т. М., 2001. 272 с.

Brockmeier J., Carbaugh D. Introduction // Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture / Ed.: J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins publ., 2003. P. 1–22.

Bruner J. Self-making and World-making // Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture / Ed.: J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins publ., 2003. P. 26–39.

Currie A.M. Narratives, Mechanisms and Progress in Historical Science // Synthese. 2014. Vol. 191. P. 1163–1183.

Čmejrková S. (1) Kontexty a situace mluveného projevu // Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Ed.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011. S. 61–102.

Čmejrková S. (2) Mluvená čeština v různých podobách mediálního dialogu // Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Ed.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011. S. 253–308.

Čmejrková S. (3) Řeč a konstrukce identity mluvčích (v narativním interview) // Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / ed. S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011. S. 115–127.

Fivush R., Haden C.A. Introduction: Autobiographical Memory, Narrative and Self // Autobiographical Memory and the Construction of a Narrative Self. Developmental and Cultural Perspectives / Ed.: R. Fivush, C. Haden. Mahwah, New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publ., 2003. P. vii–xiv.

Giddens A. Modernity and Self Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. 264 p.

Gumperz J.J. Interactional Sociolinguistics: a Personal Perspective // *The Handbook of Discourse Analysis* / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Ehernberger Hamilton. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2003. P. 215–228.

Heller M. Discourse and Interaction // *The Handbook of Discourse Analysis* / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Ehernberger Hamilton. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2003. P. 250–264.

Kreisslová S. Konstrukce etnické identity a kolektivní paměti v biografických vzpráveních českých Němců: na příkladu vzpomínek Němců na Chomutovsku. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, 2013. 194 s.

Labov W. Speech Actions and Reactions in Personal Narrative // *Analyzing Discourse: Text and Talk* / Ed. by D. Tannen. Washington, DC: Georgetown University Press, 1987. P. 219–247.

Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // *Essays on the Verbal and Visual Arts* / J. Helm (Ed.). Seattle, WA: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.

Mlčoch L., Machonin P., Sojka M. Economic and Social Changes in Czech Society after 1989 (an alternative view). Praha: Karolinum, 2000. 280 s.

Nekvapil J. Jazykové biografie a analýza jazykových situací: k osudům německé komunity v české republice // *Časopis pro moderní filologii*. 2001. D. 83, № 2. S. 65–80.

Swales J.M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1991. 260 p.

Tomasello M. Joint Attention as Social Cognition // *Joint Attention: Its Origins and Role in Development*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 103–130.

Virtanen T. et al. Persuasion across Genres: Emerging Perspectives / T. Virtanen, H. Halmari // *Persuasion across Genres: a Linguistic Approach* / Ed. by H. Halmari and T. Virtanen. Philadelphia, PA, USA: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 3–24.

Vlachová K., Řeháková B. Česká národní identita po zániku Československa a před vstupem do Evropské unie // *Sociologické studie / Sociological Studies*. № 9. 2004. S. 1–39.

Weedon Ch. Identity and Culture: Narratives of Difference and Belonging. NY, Maidenhead: Open University Press, 2004. 144 p.

REFERENCES

Guboglo M.N. (2003) Identity Identification: Ethnosociological Essays. Moscow. Nauka Publ. 763 p.

Korovitsina N.W. (2011) Czech Man in the First Decade of the 2000s (Analysis of Materials by the Center for the Study of Public Opinion of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences of the Czech Republic). Moscow. 200 p.

Krysin L.P. (2008) The Problem of Social Differentiation of Language in Modern Linguistics. In: *Sociolinguistics Yesterday and Today: A Collection of Scientific Works* / Ed. N. Troshina; RAS; ISISS, CHSIS. Moscow, pp. 72–89.

Shnejder L.B. (2001) Professional identity. Moscow. MOSU Publ. 272 p.

Brockmeier J., Carbaugh D. (2003) Introduction. In: *Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture* / Eds.: J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ., pp. 1–22.

Bruner J. (2003) Self-making and World-making. In: *Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture* / Eds.: J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ., pp. 26–39.

Currie A.M. Narratives, Mechanisms and Progress in Historical Science. *Synthese*. 2014. Vol. 191, pp. 1163–1183.

Čmejrková S. (1) (2011) Kontexty a situace mluveného projevu. In: Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha. Academia. S. 61–102.

Čmejrková S. (2) (2011) Mluvená čeština v různých podobách mediálního dialogu. In: Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha. Academia. S. 253–308.

Čmejrková S. (3) (2011) Řeč a konstrukce identity mluvčích (v narativním interview). In: Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha. Academia. S. 115–127.

Fivush R., Haden C.A. (2003) Introduction: Autobiographical Memory, Narrative and Self. In: Autobiographical Memory and the Construction of a Narrative Self. Developmental and Cultural Perspectives / Eds.: R. Fivush, C. Haden. Mahwah, New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. vii–xiv.

Giddens A. (1991) *Modernity and Self Identity*. Stanford: Stanford University Press. 264 p.

Gumperz J.J. (2003) Interactional Sociolinguistics: a Personal Perspective. In: The Handbook of Discourse Analysis / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Ehernberger Hamilton. Malden, MA: Blackwell Publ., pp. 215–228.

Heller M. (2003) Discourse and Interaction. In: The Handbook of Discourse Analysis / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Ehernberger Hamilton. Malden, MA: Blackwell Publ., pp. 250–264.

Kreisslová S. (2013) Konstrukce etnické identity a kolektivní paměti v biografických vzpříveních českých Němců: na příkladu vzpomínek Němců na Chomutovsku. Praha. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze. 194 s.

Labov W. (1987) Speech Actions and Reactions in Personal Narrative. In: Analyzing Discourse: Text and Talk / Ed. by D. Tannen. Washington, DC: Georgetown University Press, pp. 219–247.

Labov W., Waletzky J. (1967) Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. In: Essays on the Verbal and Visual Arts / Ed. by J. Helm. Seattle, WA: University of Washington Press, pp. 12–44.

Mlčoch L., Machonin P., Sojka M. (2000) Economic and Social Changes in Czech Society after 1989 (an alternative view). Praha. Karolinum. 280 s.

Nekvapil J. (2001) Jazykové biografie a analýza jazykových situací: k osudům německé komunity v české republice. *Časopis pro moderní filologii*. D. 83. No 2, s. 65–80.

Swales J.M. (1991) *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 260 p.

Tomasello M. (1995) Joint Attention as Social Cognition. In: *Joint Attention: Its Origins and Role in Development*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 103–130.

Virtanen T. et al. (2005) Persuasion across Genres: Emerging Perspectives. In: *Persuasion across Genres: A Linguistic Approach* / Ed. by H. Halmari and T. Virtanen. Philadelphia, PA, USA: John Benjamins Publishing Company, pp. 3–24.

Vlachová K., Řeháková B. Česká národní identita po zániku Československa a před vstupem do Evropské unie. *Sociologické studie (Sociological Studies)*. 2004. No 9, s. 1–39.

Weedon Ch. (2004) *Identity and Culture: Narratives of Difference and Belonging*. NY, Maidenhead. Open University Press. 144 p.

Сведения об авторе:

Екатерина Сергеевна Худякова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Ekaterina Khudyakova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Perm State University

khudiakova.es@gmail.com